

С.В. Гричин

Томский политехнический университет

О категориальной сущности авторизации

Аннотация: В статье раскрывается категориальная сущность авторизации, проводится сравнение ее со смежными категориями, анализируются подходы к изучению авторизации в научном и художественном дискурсах, описываются свойства, определяющие функционально-семантический характер авторизации.

The article describes the categorical nature of authorization, a comparison with similar categories is made, approaches to the study of authorization in the language for special purposes and the language of belletristic literature are analyzed, and properties constituting functional and semantic nature of authorization are listed.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, авторизация, модус.

Functional and semantic category, authorization, modus.

УДК: 81.2–5.

Контактная информация: Кемеровская обл., Юрга, ул. Ленинградская, 26. ЮТИ ТПУ, кафедра иностранных языков. Тел. (38451) 54764. E-mail: : grichin sergei@mail.ru.

Задачей настоящей статьи является уточнение категориальной специфики авторизации в соотношении ее с некоторыми другими, смежными категориями.

Для начала решения подобной задачи логичным представляется обращение к Аристотелю, поскольку именно ему обязано жизнью само слово «категория» в терминологическом смысле. И уже здесь мы сталкиваемся с некоторыми проблемами, поскольку в основополагающем труде, тексте его «Категорий», с точки зрения современных требований к терминологии, четкого определения категории мы не находим. (Ср. в этом отношении высказывание Б. Рассела: «Что именно подразумевается под словом “категория” у Аристотеля, у Канта и у Гегеля, я, признаться, никогда не был в состоянии понять. Я лично не верю, что термин «категория» может в какой-либо мере быть полезен в философии как представляющий ясную идею» [Рассел, 1998, с. 239]. А.С. Ахманов дает следующее определение аристотелевским категориям: «По Аристотелю, категории являются, с одной стороны, высшими родами значений слов, или родами сказывания о действительности, а с другой – высшими родами определенности бытия» [Ахманов, 1960, с. 163]. В этой трактовке категории виден двусторонний характер этого явления: с одной стороны – языковой, с другой – предметно-онтологический. Кроме того, двойственность понимания категорий связана и с различиями в методологии описания. По словам В.Ф. Асмуса, «...в онтологическом плане категории – высшие роды *бытия*, к которым восходят все его частные стороны и обнаружения; в гносеологическом плане категории – различные *точки зрения*, под которыми могут быть рассматриваемы предметы и которые не могут быть возведены к единой для всех них, возвышающейся над ними точке зрения» [Асмус, 1976, с. 353] (курсив мой. – С.Г.). Состав категорий таков, что для каждой онтологической сущности предусмотрены ее лингвистические реализации: это сущность, количество, время,

положение, обладание, действие и страдание, таким образом, состав категорий бытия ограничен свойствами бытия: «...вещи входят в одну категорию тогда и только тогда, когда им присущи определенные общие свойства. И эти общие свойства определяют категорию в целом» [Лакофф, 1996, с. 145].

Что касается современного состояния разработки категорий, то, по словам М. Всеволодовой, «лингвистика оперирует двумя типами представления структуры категории: 1) категории, формируемые в первую очередь на принципе дихотомических оппозиций; <...> и 2) категории, формируемые на основе двух множеств признаков, присутствие которых и совмещение в каждом классе языковых единиц данной категории может быть представлено в виде матрицы» [Всеволодова, 2007, с. 34].

Далее постараемся ответить на вопрос, подпадает ли авторизация под одно из приведенных выше (или оба) определений категории. Начнем с определения авторизации Г.А. Золотовой, которая и ввела этот термин в лингвистический обиход. Любопытно, что сама Г.А. Золотова не называет авторизацию категорией, а использует этот термин для наименования одного из способов взаимодействия моделей предложения, суть которого в том, что «в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, “автора” восприятия» [Золотова, 1973, с. 263], и выделяет три основных разновидности авторизации: квалификации, восприятия и обнаружения.

Именно как категория предстает авторизация в концепции Т.В. Шмелевой, которая заимствует этот термин у Г.А. Золотовой без ограничений в плане выражения, рассматривая проявление ее как в простом, так и сложном предложении. Понимание Т.В. Шмелевой авторизации как модусной категории (по сути и в терминологическом воплощении) восходит к идее Ш. Балли о двухчастности содержания предложения (диктум – модус), идее субъективности в языке Э. Бенвениста, а также идее метатекста А. Вежбицкой. В основе классификации субъективных элементов содержания предложения Т.В. Шмелевой лежит назначение модусных категорий в коммуникативной организации предложения. Ею выделяются четыре группы модусных категорий: 1) метакатегории, обеспечивающие осмысление высказывания с точки зрения условий и условностей общения и квалифицирующие само высказывание или речевое поведение его автора; 2) актуализационные категории, соотносящие высказывание с действительностью через время, лицо, пространство и модальность; 3) квалификативные категории, отражающие интерпретацию информации с авторских позиций в аспекте авторизации, достоверности и оценки; 4) социальные категории, выражающие отношения между автором и другими участниками общения. Таким образом, авторизация отнесена, наряду с персуазивностью и оценочностью, к квалификативным категориям и «предполагает квалификацию источника излагаемой информации; иначе говоря, автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую, во-первых, и по способу ее получения, во-вторых» [Шмелева, 1988, с. 35]. «Авторизация – модусная категория, с помощью которой излагаемая информация в предложении квалифицируется в отношении источников или способов ее получения. <...> План содержания авторизации организуется противопоставлением свое / чужое, или авторское / цитируемое; при этом специальной пометы требует только второй случай – изложение чужой информации, пересказ» [Шмелева, 1984, с. 90].

Как видно из этого определения, именно с семантической точки зрения мы можем разглядеть у авторизации онтологическую основу, или ядро, основывающееся на дихотомической оппозиции (противопоставлении свое / чужое). Существенной также является отмеченная Т.В. Шмелевой обязательность авторизационной характеристики предложения, противопоставляемая необязательности (при

всем их многообразии) присутствия авторизационных показателей в силу действия принципа авторизационного ключа, т.е. указания на источник информации в начале текста, и, во-вторых, из-за соответствия диктумного содержания характеру получения информации, в результате чего авторизация оказывается факультативной в плане выражения. Это противопоставление авторизации по признаку эксплицитности / имплицитности выражения является, на наш взгляд, своеобразным продолжением внутрикатегориальной оппозиции, также образующим ее основу. Ср. в этой связи определение авторизации В.А. Риговановой: «Категория авторизации является функционально-семантической категорией с модифицирующим значением субъекта восприятия, мысли, оценки, констатации явлений действительности. Категория реализуется <...> на семантическом уровне. Отдельной реализацией категории является авторизационная модификация, которая представляет собой одну из структурно-семантических модификаций синтаксического поля либо синтаксической парадигмы высказывания и объединяет структуры, осложненные как собственно авторизованными, так и модусными значениями» [Ригованова, 2008, с. 111].

Если считать критерием выделения функционально-семантических категорий «общность семантической функции взаимодействующих элементов разных языковых уровней» [Бондарко, Буланин, 1967, с. 5], то без сомнения можно сказать, что у авторизации есть как план содержания, так и план выражения. Ее семантическим содержанием является указание на источник информации и способ восприятия, которое выявляется в речи во взаимодействии отдельных семантических элементов (свое / чужое с одной стороны и различный типы субъектов с другой), а выражение – различные по своему уровню средства языка (см. выше).

Однако поскольку Т.В. Шмелева называет авторизацию категорией модусной, логичным представляется остановиться на понятии модус, причем, учитывая достаточно широкую сферу использования этого термина (объясняющуюся, в числе прочего, логико-философским его происхождением), в его семантическом аспекте. Своим появлением в лингвистическом терминологическом аппарате этот термин обязан Ш. Балли, который предложил именовать им субъективные стороны высказывания, противопоставляя их объективным, или диктуму [Балли, 1955]. По оценке В.А. Белошапковой, «особую актуальность приобрела мысль о том, что в содержании предложения соединены значения двух принципиально разных родов: объективные, отражающие действительность, и субъективные, отражающие отношения мыслящего субъекта к этой деятельности» [Белошапкова, 1989, с. 679].

В отечественном языкознании Т.П. Ломтев модусу существования (в его концепции фигурирует именно такое терминологическое сочетание) приписывал значения наличности, бытия, возможности, необходимости, которые выводятся из лингвистических знаков [Ломтев, 1972, с. 62]. Модус в составе терминологического сочетания модусный глагол в концепции З.Я. Тураевой описывает ментальное состояние субъекта [Тураева, 1994]. В некоторых работах (например, [Вопросы, 1989, с. 161; Всеволодова, 2000, с. 351]), авторизация рассматривается как категория ментального модуса, выделяются две основные разновидности авторизации: объективированная (если говорящий называет автора сообщения или указывает источник информации) и субъективированная (говорящий сам обращается к автору или источнику информации).

З.Я. Тураева, рассматривающая разновидности ментального модуса (интенциональный, операциональный, коммуникативный), относит авторизацию к средствам его выражения: «Авторизующие конструкции занимают немаловажное место среди других средств, участвующих в передаче категории модальности. <...> Авторизующие конструкции непременно бимодальны, так как в авторизуемой части содержится <...> информация о событиях, совершившихся в реальном или возможном мире. В авторизующей части содержится суждение об этом событии. Она коррелятивна ментальным процессам субъекта оценки, восприятия или кон-

статации явления. Это значение наслаивается на модальность фрагмента текста или целого текста» [Тураева, 1989, с. 100–101]. Очевидно, что в этих работах модус рассматривается скорее с логико-философских позиций, т.е. как способ существования или действия чего-либо, а не с точки зрения тотального модусного устройства предложения, как у Т.В. Шмелевой.

В одной из последних работ, посвященных, среди прочего, разработке концепции авторизации, она рассматривается в соотношении с такими явлениями синтаксической семантики, как субъектная зона, субъектная сфера и взаимодействие субъектных сфер предложения: «Указание источника информации, то есть отнесение данной информации к зоне S3 (которая может совпадать с зоной S4), называется авторизацией. Авторизация является одним из способов осложнения модели предложения – осложнения по линии модуса. Авторизованная модель имеет в своей структуре те или иные формы модусной рамки» [Золотова и др., 1998, с. 288]. S3 в данном определении – субъект авторизатор, S4 – субъект говорящий, автор высказывания. При сохранении прежней семантической типологии субъектов (субъект речи, мнения, знания и пр.), в данной работе предлагается несколько иная классификация, основанная на типах модусных рамок и репертуаре модусных предикатов. Выделяются перцептивная, ментальная, волонтеративная, реактивная и речевая модусные рамки [Там же, с. 280]. Таким образом, в данной работе авторизация предстает в семантико-синтаксическом аспекте, где под модусностью ее понимается отношение к модусной рамке.

Неполным представлением об авторизации как о категории было бы без анализа работ, в которых она представлена как категория текстовая. Так, по словам Е.А. Поповой, «изучение авторизации как категории автора может вестись как на материале изолированных предложений, так и на материале предложений, включенных в текст, а также на материале целых текстов» [Попова, 2001, с. 109].

Как единица политекстуальности, субструктура текста, выражающая отдельные аспекты содержания научного знания в тексте (материалом исследования послужили для Е.А. Баженовой тексты научного дискурса), задающая координаты его информационного пространства и определяющая его смысловую многомерность и композиционную членимость, авторизация представлена в работе Е.А. Баженовой [Баженова, 2001]. Рассматриваемая как субтекст, один из элементов системы субтекстов, выраженных в смысловой структуре научного текста, отражающих эпистемическую ситуацию и примененных в едином коммуникативном акте, авторизация «является способом речевого воплощения личностно-психологической рефлексии субтекста познания, сопровождающей его научную деятельность» [Там же, с. 23]. Выражая, наряду с субтекстом оценки, модальную, т.е. дополнительную по отношению к предметному плану произведения информацию, субтекст авторизации «придает его когнитивному содержанию характер персонафицированного научного знания, обладающего новизной и достоверностью» [Там же, с. 26], иными словами, находит отражение в его содержательной структуре.

Авторизованные предложения как текстообразующая единица и один из способов создания полисубъектности и полимодальности художественного эпического текста исследуются В.В. Филатовой, которая предпринимает попытку выявления и анализа языковых средств выражения авторизации, употребленных в конкретном художественном тексте с точки зрения их грамматико-семантической типологии, текстообразующей функции и участия в воплощении смысловых доминант художественного произведения на материале повести С. Довлатова «Чемодан». Автор изучает роль авторизации в создании индивидуально-стилистической манеры писателя через характеристику типов авторизованных предложений с точки зрения семантики и формы выражения субъекта авторизующей части. Раскрытие текстообразующей функции и текстовой потенции авторизованных предложений, определение семантического радиуса действия авто-

ризованных предложений с различной семантикой авторизующей части, выяснение закономерности функционирования авторизованных предложений в разных коммуникативных регистрах и разных субъектно-речевых планах позволяет шире взглянуть на такое важное свойство художественного текста, как полисубъектность (проявление общеязыковой категории персональности, проявляющейся в идейно-концептуальной, образно-эстетической и речевой сфере), а также авторскую модальность, когезию и членимость текста. По словам В.В. Филатовой, «авторизация позволяет писателю в рамках повествования от первого лица с ограниченной повествовательной перспективой, практически без использования свободного косвенного дискурса воплотить в многоголосом тексте многообразие индивидуальных и коллективных мнений и оценок» [Филатова, 2000, с. 170]. Интересным представляется замечание исследователя о том, что «одни и те же языковые средства авторизации выступают в разной семантической роли: и как показатель авторизации на уровне предложения, вводящий в него субъектный план, и как средство авторизации на уровне текста, организующее повествовательных дискурс и активно участвующее в создании образа автора» [Там же, с. 170].

Текстостроительную функцию взаимодействия двух модусных смыслов – авторизации и персуазивности (где «под взаимодействием понимается реализация в языке законченного текста активной роли автора (его замысла, интенций) и активной роли адресата (его телеологические реакции на смысл текста, типологические эффекты)» изучает на материале нарративных, научных текстов и текстов прогнозов в своей диссертационной работе О.Н. Копытов [Копытов, 2004, с. 3]. Такое взаимодействие О.Н. Копытов объясняет использованием авторами репертуара типологических приемов, заключающихся в использовании в субъективных целях пропозитивного (диктумного) содержания своего текста, а эти приемы, в свою очередь, приводят к типологическим эффектам, которые помогают адресату эксплицировать авторские интенции. И приемы, и эффекты автором эксплицируются и исчисляются законченным списком. При этом количество приемов оказывается ограниченным устройством самой языковой системы, сложившейся в том или ином жанре типологией отношений «автор – адресат». Например, для научных текстов выделяются следующие эффекты: подчеркнутой осведомленности автора, внешней поддержки мнения / знания автора, альянса с адресатом, компромиссного (умеренного) утверждения, полемики с «общим мнением», полемики с частным мнением. В то же время автор отмечает, что «в многообразии научных текстов ... эффекты “в чистом виде” перемежаются со сложными случаями, когда в одном фрагменте текста можно выделить сразу несколько эффектов, причем можно двояко эксплицировать один модусный показатель, а можно по ходу одного рассуждения эксплицировать модусные показатели как поразному воздействующие» [Копытов, 2004, с. 120]. Таким образом, в подобных работах, выходящих, как правило, в область стилистических разысканий, авторизация представляется выразителем модусных смыслов, исходящих от говорящего и находящихся выражение в семантике текста, определенным образом сказываясь и на его структуре.

Следует указать на близость авторизации с некоторыми другими семантическими категориями, наиболее близкой из которых можно назвать эвиденциальность, ставшую, по словам Ж. Лазара, популярной темой в лингвистических исследованиях [Lazard, 1999, p. 91].

Н.А. Козинцева, следуя определению, данному Р.О. Якобсоном, понимает под эвиденциальностью «область **рамочных** (выделено нами. – С.Г.) значений, представляющих собой указание на источник сведений: говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) – косвенная засвидетельствованность – или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти) – прямая засвидетельствованность» [Козинце-

ва, 1994, с. 92]. По аналогии с семантическими типами авторизации, внутри эвиденциальности выделяются четыре подкатегории: перцептивность (отражение действительности через сознание того или иного индивидуума), инференциальность (высказывание основывается на логическом умозаключении), пересказываемость (прямая и косвенная) и адмиративность (описываемая ситуация является новой для говорящего и не интегрирована в его картину мира). В лингвистической литературе встречаются и другие термины для обозначения явлений данной семантической области, среди них медиативность, аудитив, абсентив, комментатив и др. (более полный список см. у [Эйюп, 2005, с. 15], однако, по признанию большинства исследователей, «термин эвиденциальность наиболее полно охватывает все подтипы значений, входящих в данную семантическую область» [Буркова, 2004, с. 353]. Интересным в плане языковой реализации этой категории представляется различие языков, обнаруживаемое исследователями. По словам Н.А. Козинцевой, «в одних языках <...> значения, объединяемые термином “эвиденциальность”, являются грамматически обязательными для оформления высказываний определенных типов – тюркских, кавказских, фино-угорских, в языках американских индейцев, африканских и др. В других языках, как, например, в русском, английском, немецком, французском и др., эти значения передаются лексически» [Козинцева, 1994, с. 92]. В свете этой особенности особое звучание приобретают слова Т.В. Шмелевой об обязательности / факультативности плана выражения авторизации предложения.

Как видим, приведенное выше определение категории эвиденциальности обнаруживает полное семантическое сходство с категорией авторизации. Считаем, что оперирование обоими этими терминами до настоящего обусловлено лишь различными условиями их происхождения и продолжающейся в связи с этим инерцией: категория эвиденциальности была введена в лингвистический обиход Р. Якобсоном, когда тот рассматривал глагольные категории и особенности отражения ими временных представлений. Термином эвиденциальность Р. Якобсон обозначает глагольную категорию, «учитывающую три факта (сообщаемый факт, факт сообщения и, кроме того, передаваемый факт сообщения), т.е. указываемый источник сведений о сообщаемом факте). Говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица (цитативные, т.е. от кого-то полученные сведения), на снах (сновидения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) или на собственном опыте (сведения, извлекаемые из памяти)» [Якобсон, 1972, с. 36]. В связи с этим он относит эту категорию к шифтерным (термин О. Есперсона), т.е. содержащим указание на отношение к сообщению. Гносеологические условия же, в которых зародился термин авторизация в отечественной лингвистике, были подробно описаны нами выше. Внимание современных исследователей к семантической области, обозначаемой двумя этими терминами, и тематика работ говорят о схожести подходов к их изучению: и там, и здесь лингвистов интересует не только и не столько семантическая сторона описываемых явлений, сколько их функциональный (функционально-семантический) аспект (работы Т.П. Мордасовой, Б. Эюпа и др.).

Эвиденциальность часто соотносят с эпистемической модальностью, значение которой – возможность и необходимость. Некоторые лингвисты (У. Чейф, Дж. Николс) трактуют эвиденциальность как языковое обозначение категории модальности, «нижнюю сферу» содержания эпистемической модальности, другие (Ф. де Хаан) разводят их: «Эвиденциальность оценивает источник информации, связанный с речью говорящего, а эпистемическая модальность рассматривает степень достоверности речи с точки зрения говорящего» [De Naan, 2001, p. 67].

Еще одна категория, имеющая области пересечения с авторизацией и эвиденциальностью – чуждость, впервые представленная как семантическая категория А.Б. Пеньковским [Пеньковский, 1989] и разрабатываемая в коммуникативном аспекте Е.П. Захаровой [Захарова, 1998] и Е.А. Поповой [Попова, 2001].

По Е.П. Захаровой, содержание категории чуждости можно определить как принадлежащее (или не принадлежащее) лицу говорящему; относящееся (или не относящееся) к лицу говорящего; к группе, кругу, сообществу, в которые входит говорящий [Захарова, 1998, с. 89]. Таким образом, сфера «свое – чужое» «перекрывает» половину зоны авторизации (оставляя без внимания семантические аспекты) и столько же эвиденциальности.

Подводя итог, укажем на следующие характеристики авторизации, конституирующие ее функционально-семантический категориальный характер:

1. Наличие ядра, представляющего собой структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а также периферии, описывающей (факультативно) характер восприятия.

2. Дихотомическая оппозиция по линии свое – чужое (авторское – цитируемое), экспликация / импликация.

3. Наличие парадигмы семантических типов (восприятия, мысли, оценки, констатации явлений действительности).

4. Разноуровневый характер языковых средств, ее выражающих.

Модусный характер (в узком понимании этого термина) авторизации обусловлен отношением ее значений к числу рамочных, т.е. входящих в модус предложения, и, в более широкой, логико-философской трактовке, выражением ментальной деятельности субъекта (интенциональный, операциональный, коммуникативный аспекты).

Литература

- Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976.
- Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М., 1960.
- Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.
- Балли Ш. Общая лингвистика в вопросы французского языка. М, 1955.
- Белошапкина В.А. Синтаксис // Современный русский язык. М., 1989.
- Бондарко А.В., Буланин Л.П. Русский глагол. Л., 1967.
- Буркова С.И. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке // Исследования по теории грамматики – 3. Ирреалис и Ирреальность. М., 2004.
- Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Под ред. М.В. Всеволодовой и С.А. Шуваловой. М., 1989.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
- Всеволодова М. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории (К вопросу о структуре содержательного пространства языка) // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Донецьк, 2007. Вип. 15.
- Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики. Человек и текст. Саратов, 1998. Вып. 27.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
- Копытов О.Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте: авторизация и персуазивность. Дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004.
- Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1996.

- Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989.
- Попова Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива. Липецк, 2001.
- Рассел Б. История западной философии. Ростов н/Д, 1998.
- Ригованова В.А. Категория авторизации как выражение авторитарности говорящих в украинском и английском языках // Актуальні проблеми іноземної філології: Лінгвістика і літературознавство. 2008. Вип. 2.
- Тураева З.Я. Семантика художественного текста и модальность // Текстовый и сентенциональный уровень стилистического анализа. Л., 1989.
- Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
- Филатова В.В. Авторизация предложения в художественном тексте (на материале творчества Сергея Довлатова). Дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000.
- Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.
- Эйюп Б. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Haan F. de. The place of inference within the evidential system // International Journal of American Linguistics. 2001.
- Lazard G. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // Linguistic typology 3. Berlin and N.Y., 1999.